

тельные инквизиторы в бога и в Христа веровали, конечно, посильнее самого Фед. Мих.». И далее: «...Но крайности религиозного фанатизма объяснять безверием — это уж слишком оригинальное «празднование». Если христианство — учение божественное, то оно должно быть в одно и то же время и в высшей степени и д е а л ь н о, и в высшей степени практично. Оно таково и есть в форме старого церковного учения (о д и н а к о в о г о с этой стороны и на востоке, и на западе). А какая же может быть практичность с людьми (даже и хорошими) без некоторой доли с т р а х а?» [4, № 5, с. 162—163]. Если к этому прибавить сентенции из статей Леонтьева: «Хлеба и в е р ы! Хотя бы ценою новых видов рабства будут скоро кричать все народы Европы!.. Счастлив и могуч будет в такие времена тот народ, у которого вера и привычка к повиновению будет сильнее, чем у других» [8, т. VII, с. 378], — то его «теория» кажется почти тождественной теории «великого инквизитора», созданного пером Ф. М. Достоевского. Корреспондент Леонтьева В. Розанов вынужден был признать: «Со своим имморализмом Леонтьев встал как бы против Христа, в упор, прямо и, завертываясь в греческую тунику, повернулся со словами „не нужно! не хочу!.. и не уважаю!!!“ Это бунт почище карамазовского...» [4, № 6, с. 417].

* * *

В письмах В. В. Розанова и К. Н. Леонтьеву, хранящихся в ЦГАЛИ, есть одно очень верное замечание о Достоевском, высказанное с проекцией на адресата: «Он (Достоевский. — *Н. Р.*) до того охватил все вопросы духовной жизни нового общества, что, говоря о нем, находишься прямо в центре живой, теперешней истории»⁷.

Не отрицая поисков концептуальных религиозных и политических источников философии «великого инквизитора» в западном средневековье и новой европейской мысли XVIII—XIX вв., ни в коем случае не следует забывать современную Достоевскому российскую общественную жизнь во всей ее пестроте.

Пристрастного интерпретатора нашли в Достоевском демократические теории Герцена, Чернышевского, ранних народников. Но в «бесовстве» и «инквизиторской» «ереси», которые он вывел на свет, были также уловлены и скомпрометированы дела и думы отечественных реакционеров и принципиальных консерваторов. Идеологическая позиция известного и лично знакомого Достоевскому К. Леонтьева, его яркая, извращенная личность, необычная судьба, проповедуемый им культ страха и палки, — все это не могло не быть трансформировано в образной системе великого художника и психолога. Апология власти, неравенства, презрение к народу, неверие в человечество, доведенные Леонтьевым до геркулесовых столпов, оказались объектом страстной идеологической критики Ф. М. Достоевского.

Социальная утопия художника — антитеза леонтьевских воззрений. Рождалась она не только на базе широчайших знаний и осведомленности внимательнейшего наблюдателя эпохи и исследователя истории, но и в мучительных внутренних сомнениях, в борьбе с самим собой. Со всей силой своего художественного гения, с пафосом, на который только он и был способен, Ф. М. Достоевский выявил «нигилизм» во всех его ипостасях. Достоевский в своих романах представил читателю разные формы, стадии и богатую персонификацию «нигилизма». Крайние полюсы этого явления нашли высшую точку своего художественного и идейного выражения в «великом инквизиторе» и Смердякове. И реально существовавший К. Н. Леонтьев со своими «теориями» здесь «сделал свое дело».

⁷ ЦГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 49, с. 10.